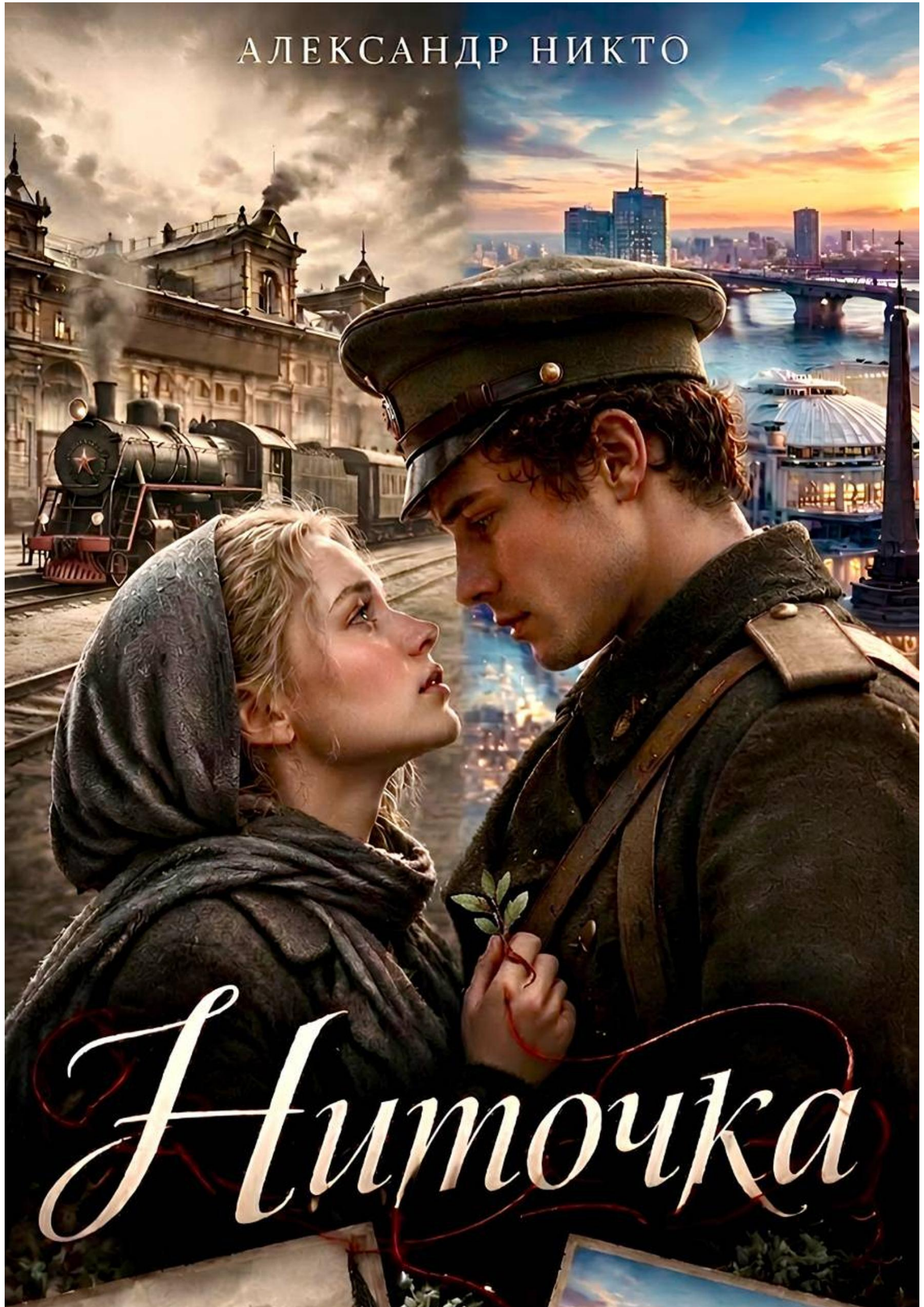

АЛЕКСАНДР НИКТО

The poster is a vertical composition. The left half shows a historical scene with a steam locomotive and a woman in a headscarf. The right half shows a modern cityscape at sunset with a soldier in uniform. The two halves are separated by a vertical line. The woman and soldier are in the foreground, looking at each other. The soldier is holding a small plant. The title 'Fityochka' is written in a large, white, cursive font at the bottom, with red decorative swirls. The background on the left is a historical city with a train, and on the right is a modern city with a bridge and skyscrapers.

Фиточка

Александр Никто

Ниточка

«Автор»

2026

Никто А.

Ниточка / А. Никто — «Автор», 2026

Елизавете девятнадцать, и весь мир для неё — враг. Она родилась с «проклятым» характером: злая, эгоистичная бунтарка из двадцать первого века, привыкшая плевать на чужие чувства и шлендать по заброшкам. Последней каплей становится жестокая ссора с матерью, в лицо которой Лиза бросает страшное «Ненавижу!», попутно швырнув подаренный нательный крест в мусорное ведро. Но у Бога свои методы перековки человеческих душ. Удар упавшего бревна в полуразрушенной царской казарме Новосибирска обрывает её привычную реальность. Лиза приходит в себя на куче соломы, окружённая ржанием коней и суровыми мужчинами в гимнастёрках. На дворе — полыхающий пожаром Первой мировой войны тысяча девятьсот четырнадцатый год. Современная одежда, гаджеты и дерзкий лексикон приводят солдат 41-го Сибирского стрелкового полка в ужас: девушку принимают за одержимую ведьму и волокут в храм на суд к полковому священнику.

© Никто А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Александр Никто

Ниточка

Глава 1

НИТОЧКА

Александр Никто

Глава 1 Рожденная волком

На дворе стояла жуткая летняя жара. Мне, как обычно, не сиделось на месте — с этого-то и начинается моя история. Я никогда не была простым ребёнком. Моя мать, Анна Николаевна Авдеева, была глубоко верующей: казалось, она только и делала, что молилась каждые полчаса, разбивая лоб перед иконами. Ах, да, простите, как же я забыла представиться? Меня зовут Елизавета Авдеева. По паспорту я Романовна, а родилась четырнадцатого сентября две тысячи шестого года.

Тогда я и представить не могла, что в жизни бывает так: сделаешь одно, а в итоге всё перевернётся с ног на голову.

Если бы я только знала, к чему приведёт мой поганный характер. Если бы я тогда поняла, насколько мерзким и эгоистичным человеком была, всего этого кошмара могло бы и не случиться.

— Вставай! Хватит бока протирать, — громыхнул над ухом суровый, басовитый голос.

В следующий миг на меня обрушился целый водопад ледяной, сводящей зубы колодезной воды. Я взвизгнула, задышавшись от неожиданности, и резко села на соломе. Мокрая одежда мгновенно облепила тело, а капли ручьями потекли по лицу.

Надо мной, загораживая свет из узкого окна полковой пристройки, высился отец Сергей. В своей темной рясе, с засученными рукавами и пустым деревянным ведром в огромной, мозолистой руке, он казался каменным изваянием. В его окладистой бороде запутались капли воды, а взгляд из-под густых бровей был спокойным и твердым.

— Хватит дурью маяться да стены взглядом сверлить, — обыденно, будто каждый день обливал девиц водой, произнес священник. — На дворе полдень. Ступай на полковую кухню — там три мешка картошки дожидаются, нужно чистить к обеду стрелков. А после пойдешь в приют, проведешь урок грамоты для сирот. Труд, девка, он дурные мысли из головы на раз выбивает. Шевелись. Строго приказал отец Сергей.

Он развернулся и вышел, тяжело стуча сапогами по деревянному полу.

А я осталась сидеть на мокрой соломе, дрожа от холода. Злость, которая раньше сжигала меня изнутри, вдруг сменилась глухой, давящей тоской. Механически вытирая воду с лица, я поймала себя на мысли, от которой сжалось сердце.

Я вспомнила свою родную мать.

Там, в мое время, она, наверное, с ума сходит от горя. Перед глазами стояло её бледное лицо и тот несчастный крестик, летящий в помой. «Она, наверное, уже из дома выйти не может... лежит, плачет, дочь свою поганую зовет», — пронеслось в голове. Слезы впервые подступили к горлу, но не от ярости, а от жгучего, разрывающего чувства вины, которого я никогда раньше не знала.

Я нехотя поднялась, натянула свое серое, грубое одеяние — простое платье послушницы, к которому за этот год так и не смогла привыкнуть до конца, — и поплелась на кухню.

По пути я то и дело бросала взгляды на строгие, темные лики икон, заглядывающие, казалось, в самую душу. Коридоры церкви сегодня казались невыносимо, бесконечно длинными.

Вокруг густо стоял тяжелый, сладковатый запах ладана. Странно, но за это время он перестал меня раздражать. Наоборот, въелся в кожу, в волосы и стал для меня будто родным.

Целый год. Я провела здесь, в этом чужом, застрявшем в прошлом веке Ново-Николаевске, уже целый год.

Сколько раз за эти двенадцать месяцев я тайком сбегала из храма? Сколько раз, задыхаясь от надежды, бежала туда, к расположению воинской части, к тем самым казармам, где когда-то очнулась? Я пыталась найти хоть какую-то зацепку, хоть что-то, что швырнет меня обратно, в мой родной двадцать первый век, к маме, к цивилизации, к нормальной жизни. Но ничего не происходило. Прошное держало меня мертвой хваткой.

С отцом Сергием я об этом больше не заговаривала. Смысла не было. В самый первый раз, когда я в истерике кричала ему про гаджеты, интернет и то, что я пришла из будущего, он лишь скорбно крестился, кропил меня святой водой и шептал молитвы об изгнании бесов. Для него, человека девятнадцатого века, все мои слова были либо сумасшествием, либо дьявольским наваждением. Он просто не способен был понять, каково это — потерять свой век.

Я нехотя взяла старый, туповатый нож и принялась доставать из мешка по одной картофелине. Мои руки заметно дрожали. Я отрешённо смотрела прямо перед собой — туда, где на стене темнела небольшая икона Николая Чудотворца. Внутри всё сжималось, душу душили невидимые, горькие слёзы.

«Что? Что мне ещё нужно сделать, Господи, чтобы всё это наконец закончилось?» — едва слышно, одними губами шептала я себе под нос, надеясь, что строгий святой с иконы меня услышит. Я ведь уже давно всё поняла. И про свой характер, и про маму...

Дверь на кухню чуть скрипнула. Я даже не повернулась, списав это на вечный монастырский сквозняк, гулявший по углам. Но затем послышались шаги — тихие, аккуратные, нарочито приглушённые. Так ходил только отец Сергей. Порой мне казалось, что этот старик на самом деле понимает гораздо больше, чем говорит, но почему-то упрямо молчит, проверяя меня на прочность.

В этот момент за стенами храма в очередной раз грохнуло. Чуть ли не каждые тридцать минут где-то на окраине, на военных полигонах, оглушительно и страшно стреляла смертоносная артиллерийская «бабаха». От этого тяжёлого, раскатистого гула вся старая церковь, казалось, сыпалась и дрожала по швам, а в окна жалобно дребезжали стёкла.

Я шмыгнула носом, торопливо вытерла его тыльной стороной руки и, не сводя заплаканных глаз с иконы, продолжила чистить картошку. Шкурка срезалась неровно, криво. Я просто ждала.

Прошло около двадцати минут. Я дочистила последнюю картофелину, привычным движением вытерла лезвие ножа о подол серого платья и с трудом поднялась с полуразвалившейся деревянной табуретки. Спина заныла от долгого сидения. Опрокинув всю нарезанную картошку в тяжелый чугунный котелок, я оставила кухню и направилась к себе — в крошечную келью-каморку, где провела весь этот бесконечный год.

Мне нужно было забрать учебники — старую книгу по русскому языку с забавными ятями и буквами «и десятиричное», а еще сборник по православию.

Там, в своем прежнем мире, я бы только рассмеялась, если бы кто-то сказал, что я буду возиться с детьми. А сейчас, мне приходилось обучать и воспитывать сирот. Маленьких, напуганных человечков, чьи отцы каждый день погибали на этой проклятой войне, не оставляя им иного выбора, кроме как идти под крыло нашей церкви, пока в городе еще не открыли большой казенный детский дом.

Я зашла в комнату и бросила взгляд на угол, где лежал мой старый, потрепанный школьный рюкзак. Тот самый, с которым я когда-то ходила на уроки в Новосибирске двадцать пер-

вого века. На самом дне, среди чужих для этого времени тетрадей, лежал смартфон. Он разрядился еще в первые дни моего «пленения».

Я вытащила его, провела пальцем по темному, покрытому царапинами экрану и глухо, с горькой ухмылкой прошептала себе под нос:

— Да уж... Толку-то от тебя теперь. Связи здесь, к сожалению, не предусмотрено.

Спрятав бесполезный гаджет обратно, я прижала книги к груди и глубоко вздохнула, собираясь с силами перед выходом к детям.

Школьная церковь находилась буквально через дорогу — узкую, разбитую и покрытую грязной наледью полосу, отделявшую её от монастыря, где мне теперь приходилось жить.

Всюду стоял оглушительный шум: ржали и хрипели кони, выкрикивали команды офицеры. Здесь, в тысяча девятьсот четырнадцатом году, куда меня забросила судьба, всюду шла война. Сибирский стрелковый полк гремел коваными сапогами, отбивая строевой шаг по промёрзшей, твёрдой как камень земле.

Мимо меня неспешно проехал всадник. Конь фыркал, выпуская изо рта густые клубы пара, а у седла солдата покачивалась длинная кавалерийская пашка. Я бросила короткий взгляд на военного — лицо обветренное, взгляд стальной, ледяной. В его глазах не было ни страха перед грядущей передовой, ни радости, ни грусти. Одно лишь глухое, суровое спокойствие.

Когда-то в своём мире я мельком читала про них в учебниках. Читала кое-как, лишь бы натянуть еле-еле три балла за четверть по истории. Мне тогда было абсолютно плевать, когда наша историчка, Зинаида Ивановна, вызывала меня к доске и докучала до каждой мелочи, требуя дат и названий полков. Я злилась, закатывала глаза и считала минуты до звонка.

«Видимо, зря я тогда не училась», — с горькой обидой на саму себя подумала я, сильнее прижимая к груди старые книги и перешагивая через замерзшую лужу. Теперь эта история стояла прямо передо мной, пахла порохом, конским потом и грозила утащить меня за собой.

Я открыла тяжёлую дверь, слегка толкнув её бедром — руки были заняты книгами. Внутри стоял невообразимый гул. Разумеется, никто и не думал сидеть на местах: мальчишки с криками носились между партами в догонялки, а четыре девчонки сбились в кучку у окна, увлечённо шушукаясь. Я невольно усмехнулась про себя. Надо же, за сто лет люди ни капли не изменились — в моем веке девчонки точно так же обожали перемывать друг другу косточки.

— Так, а ну-ка все расселись. Быстро и аккуратно, — скомандовала я, стараясь говорить твёрдо, чтобы не обижать сирот. — Открывайте тетради. План прежний: я читаю, ключевые моменты пишу на доске, а вы записываете.

Сегодня по расписанию шёл урок православия. Но притихшие было ученики никак не могли уgomониться. Они вертелись, шумели, роняли грифельные карандаши. Я попросила их успокоиться ещё раз, но реакция оказалась нулевой. Мой авторитет трещал по швам.

Вдруг этот гомон прервал тихий голос. Девочка по имени Аня, сидевшая на первой парте, посмотрела на меня огромными, не по-детски серьёзными глазами и спросила:

— Елизавета Романовна... А вы тоже потеряли своих родителей?

В классе мгновенно воцарилась звенящая, мёртвая тишина. Я замерла. Судорожно выдохнув, опустила взгляд и уткнулась в раскрытую книгу, чтобы они не увидели, как у меня перехватило дыхание.

«Да, — закричал мой внутренний голос. — Потеряла. Только, в отличие от вас, я сама во всём виновата. Своими руками всё разрушила».

Но вслух лишь тихо произнесла, с трудом сглотнув подступивший к горлу ком:

— Да, Анечка... Я такая же, как и вы.

Если уж взрослые здесь, в прошлом, не могли понять моих рассказов про двадцать первый век, то что было взять с малышей? Им незачем знать про временные петли. Хватало и общего горя.

И это сработало. После моих слов ребята, к удивлению, притихли. Пятеро сорванцов, секунду назад сносивших парты, наконец-то уселись ровно, пристыжённые и без лишних вопросов.

— Елизавета Романовна! — вдруг выкрикнул вихрастый мальчишка с заднего ряда, поёжившись под куцей рубахой. — Мне холодно...

«Блин, малыш, да мне вообще-то не жарко, особенно после утренних водных процедур отца Сергия», — мысленно отозвалась я, чувствуя, как по спине до сих пор бегут ледяные мурашки, а мокрые волосы холодят шею.

Но вместо того, чтобы прикрикнуть на него, как сделала бы прежняя Лиза, я кивнула на угол комнаты:

— Вон мой бушлат лежит. Возьми, накинь на плечи.

Пока я читала очередную строчку из учебника: *«Почитай отца твоего и мать твою, чтобы тебе было хорошо и чтобы ты долго жил на земле»* — внутри всё переворачивалось.

На секунду мне показалось, что я окончательно срослась с этим веком и больше не принадлежу двадцать первому. Вопрос Ани до сих пор грыз меня изнутри, не давая покоя. Но каждый раз, когда я смотрела на этих бедных, обделенных судьбой детей, глубоко в душе рождалось чёткое понимание: ну кто, кроме меня, станет с ними возиться? Кому они вообще нужны в этом суровом, предвоенном мире?

Я дочитала последнюю главу, закрыла книгу и прошлась между рядами. Поочередно заглядывая в тетрадки, я внимательно всматривалась в каракули, делая умный вид, будто хоть что-то понимаю в их дореволюционном почерке со всеми этими странными хвостиками и закорючками.

— Пишите аккуратнее, не разводите грязь, — бросила я стандартную фразу, которую, кажется, говорят абсолютно все учителя во все времена. — Сейчас у нас последний урок — правописание, и на сегодня свободны. Завтра будет математика.

В помещении тут же поднялся резкий, восторженный гул. Класс мгновенно ожил, предвкушая окончание занятий.

— Мальчиков это касается в первую очередь! — громко, с привычным сарказмом осадила я самых буйных сорванцов, которые уже начали пихать друг друга локтями под партами.

Я стояла, облокотившись о дверной косяк, и безразлично смотрела вперёд, на прохожих, шлёпающих по осенней слякоти. Забавно: раньше в своём мире я привыкла, что меня все пугаются и боятся, а теперь люди идут мимо и улыбаются, глядя на меня.

Ну ещё бы. Не каждый день в этом глухом тысяча девятьсот четырнадцатом году увидишь девчонку в коротких домашних шортах, яркой розовой толстовке и со странными пластовыми наушниками на голове. Именно такой они запомнили меня в первый день.

Я до сих пор как сейчас помню те минуты. После страшной ссоры с мамой я на эмоциях убежала из дома и потащила заброшку из красного кирпича — те самые старые царские казармы, что стояли в моём районе. Злая на весь мир, я достала баллончик и принялась яростно малевать граффити на полуразрушенной стене. А потом... потом сверху с глухим треском рухнуло здоровое трухлявое бревно. Прямо мне на затылок.

Когда я с трудом разлепила веки, надо мной стоял не врач скорой, а какой-то усатый мужик в военной форме и тормозил меня за плечо. Я лежала на холодном земляном полу конюшни. Решив, что это чей-то тупой прикол или галлюцинация от сотрясения мозга, я со всей дури пнула его в колено и, покрывая отборным матом, заорала: «Ты кто такой вообще?!»

Я ведь тогда на полном серьёзе угрожала полицией человеку, который и понятия не имел, что означает это слово в устах девицы в трусах.

«Надо же, дура какая была», — с грустной ухмылкой и слабой улыбкой прошептала я сама себе под нос, вспоминая свой позор.

Тогда я попыталась рвануть в сторону, но служивый перехватил меня за секунду. Намертво связал мне руки ремнём и сурово буркнул: «Пошли-ка сначала к отцу Сергию, а там разберёмся, кто ты за тварь такая и откуда в подобном срамном виде явилась».

Он ведь тогда искренне подумал, что я лесная ведьма или одержимая.

Я вошла в класс, тяжело выдыхая и упорно глядя себе под ноги. Сироты просто сидели за партами и переговаривались, время от времени бросая на меня хитрые, улыбающиеся взгляды.

— Так, открываем тетради, — как можно спокойнее скомандовала я, но договорить не успела.

Дверь распахнулась, и в помещение размашистым шагом вошёл отец Сергей. Ребята тут же дружно повскакали со своих мест. Батюшка мягко махнул ладонью, разрешая им сесть. Сразу было видно: сироты его искренне любили, но сильно робели перед его монументальным, твёрдым характером, природу которого в силу возраста ещё не могли понять.

Отец Сергей медленно двинулся между рядами, заглядывая в детские тетрадки, а затем тихим, вкрадчивым голосом спросил меня:

— Сейчас у вас правописание, Елизавета?

— Ну да, — машинально отозвалась я.

— Не «ну да», а «именно так», — строго поправил старик, зыркнув на меня из-под седых бровей.

Я мысленно закатила глаза и быстрым движением головы мотнула в сторону, думая про себя: «Господи, дед, ну что ты за бред опять несёшь?» Но вслух, конечно, промолчала. За год я научилась сдерживать язык.

— Так вот, по какому поводу я зашёл, — батюшка остановился у доски и внимательно посмотрел на меня. — После уроков ступай в главный зал храма. Тебя там будет ждать Иван Токарев.

— Кто? — растерянno переспросила я, приподняв брови.

— Солдат, с которым ты тогда у казармы познакомилась. Весьма... тактильно, — с долей доброго сарказма и едва заметной улыбкой ответил отец Сергей, намекая на тот самый пинок в колено.

Я застыла, приоткрыв рот от полного недоумения. Иван Токарев. Тот самый служивый, которого я не видела ровно год, с того самого безумного дня моего появления здесь. И вдруг он хочет встретиться со мной, ни с того ни с сего. Внутри кольнуло нехорошее предчувствие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.